

температуру Фроста, пощупала у него пульс, прослушала ему грудь и спину, посоветовала съесть немного супу или выпить чаю, подтвердила, что он не совсем здоров, но выразила сомнение в том, что он тяжело болен. По-видимому, заключила она, это расстройство желудка, к тому же сказала усталость от такой насыщенной поездки, но если это что-то серьезное, Фросту лучше быть в Москве. Фрост повторил, что не в состоянии никуда ехать, просто не в состоянии.

Я сказал Суркову, что Фрост не может ехать дальше, что он совершенно выбился из сил. Я возвратился к Фросту и молоденькой девушке-врачу, которая и дальше все время оставалась с ним и под конец даже поехала провожать его до самолета. Сурков начал звонить по телефону. Через пятнадцать минут он вернулся и объявил, что премьер посылает своего личного врача и вскоре прибудет сам. Хрущев сделал красивый жест. Когда я сообщил Фросту о премьерском намерении, он испытал заметное облегчение и все-таки еще больше занервничал: ведь встреча должна была состояться в ближайшие часы.

Время шло. Фрост дремал. Остальные, сняв пиджаки и выйдя на балкон с видом на море, беседовали и говорили, как было бы здорово никуда отсюда не уезжать и ходить купаться. Девушка-врач сидела одна внизу и периодически поднималась к Фросту, чтобы посмотреть, в каком он состоянии. Я заглядывал к нему каждые пять минут.

Когда я находился в номере, вдруг вошел врач Хрущева — загорелый, стройный, внешне привлекательный мужчина средних лет в очках и коричневой хлопчатобумажной куртке. Он был сама деловитость. Он тщательно осмотрел Фроста, так же, как его осматривала до этого девушка-врач, но с большей властью, объяснявшей его уверенностью в себе и занимаемой им должностью. Закончив осмотр, он спросил